

МОСКОВСКИЙ РЕПОРТАЖ

Д О М

ОСТРОВСКОГО

ПОЧТИ вся жизнь великого русского драматурга Александра Николаевича Островского, 150-летие со дня рождения которого отмечается в эти дни, прошла в Москве. Здесь писатель родился, учился в гимназии на Волхонке, в университете на Моховой, служил в суде, а затем весь отдался искусству.

14 февраля 1847 года в доме профессора Шевырева никому не известный молодой чиновник читал свою одноактную пьесу. А вскоре в доме профессора университета Погодина состоялось чтение многоактной комедии «Свои люди — сочтемся», которую прослушал и похвалил Н. В. Гоголь. Но царь Николай I запретил показывать ее на сцене и повелел учредить за драматургом полицейский надзор.

Вскоре московский обер-полицеймейстер докладывал начальству: «Поведения и образа жизни он, Островский, хорошего, но каких мыслей, положительно заключить невозможно».

А его мысли и образы рвались из-под пера на бумагу, и каждый год русская сцена получала новую пьесу, а то и не одну.

Произведения Островского начали свой путь со сцены Большого театра. Именно на его подмостках русские актеры разыграли в бенефис Никулиной-Косицкой «Не в свои сани не садись». Потом состоялось представление в Малом театре, который с годами стали называть «домом Островского».

Но все началось в другом доме, точнее, домишке под номером девять, который и сегодня можно увидеть на московской улице, названной в честь драматурга.

Здесь находится центр Замоскворечья, названный писателем «страной», где жизнь не походила на другие части города. Это была вотчина московского купечества с домами, словно крепости, отгороженными от всего мира. Купечество породило Тит Титыча, самодуров и алчных торгашей, блистательно показанных в пьесах драматурга. Но оно дало России и таких купцов, как братья Третьяковы и Щукины, Бахрушины и другие, покровителей искусства, основавших в Москве превосходные музеи.

Замоскворечье — родина Островского. В доме № 9 в 4 часа ночи 12 апреля 1823 года у чиновника Николая Островского родился мальчик, окрещенный в соседней церкви Александром.

Островские прожили здесь несколько лет, снимая квартиру в доме дьякона, а потом, когда семья разрослась, переехали в другой замоскворецкий дом — на Житной улице.

ЛЮДЕЙ всегда тянет к тому месту, где свершилось таинство рождения великого человека. И когда на первом этаже дома № 9 недавно освободилась одна из квартир, Москворецкий райисполком вновь предоставил ее великому драматургу, чьи пьесы переведены на десятки языков и ставятся в театрах многих стран мира.

...Порог этого дома я переступил вместе с Михаилом Андреевичем Островским, который привел меня не только в бывшую квартиру своего знаменитого родственника, но и в стены народного музея.

Решение о его создании райисполком вынес два года назад, но предыстория музея насчитывает десятки лет, и сегодня трудно сказать, когда она началась и что следует считать первым экспонатом.

В 1918 году, после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, рядом с домом № 9 в многоэтажном каменном здании поселилась семья советника наркома путей сообщения по финансовым вопросам Андрея Островского — племянника драматурга. Куда бы ни забрасывала его судьба, он пере-

возил с собой семейный альбом с фотографиями своего великого предка.

Среди семейных снимков я увидел групповой портрет, сделанный в редакции журнала «Современник». Молодой Островский снят на нем рядом с Тургеневым, Гончаровым, Толстым...

Семья Островских уже второй век хранит деревянный, похожий на детскую игрушку паровоз из красного дерева, на площадке которого стоит человек в шляпе. Его выпиливал сам драматург, любивший мастерить. Паровоз стоял на столе, и в нем можно было держать табак и спички. Хранят потомки Александра Николаевича и старинную мебель красного дерева — книжный шкаф, буфет, стулья, бюро, ломберный столик, служившие еще отцу писателя.

Придет, я уверен, время, когда все это перевезут в дом № 9. А пока в освободившихся комнатах хватает места только для афиш, книг и газетных вырезок. В выходные дни люди приносят сюда новые материалы, рассказывают о своих поисках и находках. Это актив народного музея.

Так я познакомился с инженером Антониной Дмитриевной Пальцевой и служащим Борисом Тимофеевичем Дьяконовым.

В институте «Стекломаш», где работает Пальцева, как она говорит, «все заражены Островским». Многие сотрудники собирают материалы о великом драматурге, ведь институт — первый коллективный член народного музея...

Недавно Пальцевой удалось купить в букинистическом магазине старую книгу с длинным названием: «Александр Евстафьевич Мартынов. Очерки жизни и опыт сценической характеристики».

— Это друг Островского, артист Александринского театра, — пояснила Пальцева.

Таких удач, как эта книга, у создателей музея много — они уже заполнили целую комнату — хранилище музея.

Долгие часы энтузиасты проводят в библиотеках, архивах, пополняя данные о жизни драматурга. Для них нет лучшего подарка, чем то, что связано с Островским. В дни рождения им преподносят марки с изображением писателя, старинные открытки с фотографиями артистов, игравших в его пьесах, прижизненные издания книг, порой редчайших.

Островского изучают в школе, и нам кажется, что мы все знаем о нем. Но, как утверждают современные исследователи, в его биографии до сих пор остается немало белых пятен.

Александр Николаевич был не только драматургом. Поэт, написавший почти половину своих пьес стихами, историк, создатель блистательных хроник, переводчик, переведший десятки пьес, в том числе Шекспира. Журналист. Критик. Основатель первых организаций русской интеллигенции.

Народный музей ищет сейчас сочинения Островского 1919 года, изданные в самые тяжелые дни молодой Советской республики. Берется на учет буквально все, что имеет отношение к драматургу, его пьесам.

Директор музея Михаил Андреевич Островский, отдавший многие годы его созданию, показал мне отзывы французской прессы о постановке Анри Барсака «Лес» в Литературном театре Парижа. Прослышав о музее, в Москву шлют свои подарки почитатели из других городов. Художник из Федоскина М. Пашинин, например, подарил выполненную им прекрасную миниатюру — портрет драматурга.

— У нас уже насчитывается шесть тысяч экспонатов, — говорит директор.

Музей Островского — еще один памятник великому сыну Москвы.

Лев КОЛОДНЫЙ.